

Дмитрия Владимировича Шагина все называют Митей, хотя это обращение звучит несколько фамильярно – не по возрасту, не по чину. Дмитрий Владимирович – человек серьёзный и положительный, известный художник, основатель целого направления в современном искусстве. А Митя – персонаж весёлой книжки Владимира Шинкарёва, обаятельный неудачник, добродушный бородач в тельняшке и ватнике. Попросту говоря, митьёк.

Митьки задумывались Шинкарёвым как некий каталог националь-

лось партсобрание в спорткомплексе, который я отапливал, и меня благополучно уволили.

– А что сильнее раздражало начальство – твой образ жизни или твои картины?

– Я думаю, ни то ни другое. Просто в те времена не было настоящих врагов народа, но органам надо было с кем-то работать, показывать, что недаром получают зарплату. И они работали с художниками, поэтами. Причём методы у них были не всегда репрессивные. Так, в 81-м под гзбэшным патронажем открылся клуб поэтов и писателей, рок-клуб и во-

Андрей Битлз - 2002 (144) нояб. - с. 6-7

"Ура флоту!"

добрый человек из Петербурга

Дмитрий Шагин:
"Жить хочется.
Жить и радоваться,
что живёшь".

ных черт. В самом широком смысле – от беспробудного пьянства и безалаберности до постоянной готовности прийти на помощь и терпеть любые лишения. Все эти качества воплотились в Шагине и его друзьях, питерских неофициальных художниках. Так был создан один из последних мифов советской эпохи. За мифом – живые люди, не менее интересные, чем персонажи Владимира Шинкарёва...

Накануне 45-летия Шагина журналист Ян ШЕНКМАН встретился с Митей, чтобы узнать, из чего состояла митьковская жизнь все эти годы. Ведь за это время произошло немало: принципиально изменились цены, названия улиц, городов, да и вообще условия жизни. Многие обернулись своей противоположностью. Митьки перестали пить, некоторые из них упорно трудятся. Но наивная усмешка и детское удивление по-прежнему не сходят с их лиц. И ещё: у них начисто отсутствует страх показаться банальным. Особенно если бакальными считать такие вещи, как свет, добро и любовь.

– С какого момента ты помнишь себя митьком?

– С 83-го года. Представь себе: белая ночь, мы сидим с Шинкарёвым на заливе, слушаем записи "Аквариума", жжём костры, подпеваем Гребенщикову. Так это и началось. Большинство наших друзей работало тогда в котельных, и котельные немало способствовали митькованию. Первым на наше существование откликнулся журнал "Юность". Там огромным, всесоюзным тиражом напечатали, что в котельной Дмитрия Шагина проходят съезды митьков. Собираются пятьдесят человек, пьют алкоголь и смотрят по телевизору "Место встречи изменить нельзя", культовый митьковский фильм. После этой статьи случи-

зобновилось ТЭИИ (товарищество экспериментального изобразительного искусства). Стали разрешать выставки и чтения, но, конечно, не все и не всем. Делалось это с вполне понятной целью: чтобы мы были на виду и можно было нас контролировать. Выставки принимал куратор из КГБ полковник Коршунов (он же Кошелев). Он теперь заведует культурой в нашей мэрии. Как-то по телевизору этот Кошелев (он же Коршунов) давал интервью. И сказал: "Я в застойные годы сильно помог митькам, они должны быть мне благодарны". Чем же это помог? Но, с другой стороны, не посадил ведь никого из нас, хотя имел такую возможность. И за это спасибо.

– Кто же знал, что идеология рухнет и начнётся свободная жизнь? Ни ты, ни полковник.

– Да уж, особо рассчитывать было не на что. Лично я планировал всю жизнь провести в котельной и никогда не побывать за границей. Просто не мог себе представить, что уволюсь и меня не привлекут за тунеядство. Но у несвободы были и свои преимущества. Пришёл к другу на кухню, поговорил – вот она, духовная жизнь. Сейчас же вершина духовной жизни – выступление Гордона по

НТВ. Передача, конечно, хорошая, но раньше каждый день собирались и говорили. Все были гордонами, а теперь остался один.

– И о чём же говорили тогдашние гордоны?

– О Боге, о судьбе России, о том, где место художника в этой жизни. И по всему выходило, что наше место в котельной. Ведь печатались и выставлялись те, кто имел допуск. А нам оставались неофициальные выставки. Как правило, они проходили у кого-нибудь на квартире. Это и был андерграунд, настоящая подпольная жизнь.

– Но в один прекрасный день андерграунд закончился...

– Я помню даже точную дату. 31 декабря 86-го нам разрешили выставиться без цензуры. Потом была однодневная выставка в Москве. Иностранная журналистка Дорис Кнопф, увидев столпотворение на Кузнецком Мосту, решила, что митьки очень знамениты, и задумала организовать нашу выставку за границей. Нам дали большой автобус, в котором мы ездили по Европе, и краски, чтоб мы разрисовали его. Вот это свобода! Раньше у нас за такие вещи можно было запросто попасть под статью... А в 90-м митьки открылись для самой широкой публики. Была огромная выставка в Московском дворце молодёжи, куда дали свои картины Гребенщиков с Макаревичем. Тогда-то митьки и стали массовым явлением. И фантазия Шинкарёва воплотилась в действительность. Вот она, волшебная сила слова!

– Но согласись, что есть масса художников, ничуть не хуже, чем ты и твои друзья. Почему же именно вы добились успеха и популярности?

– Знаешь, "Битлз" тоже не лучшие музыканты на свете. Играли довольно средне и писали примитивные песни. Они завоевали мир, потому что были весёлыми и естественными ребятами. Ког-

да я впервые услышал "Битлз", сразу понял: такими и надо быть. Мы старались в силу своих возможностей. Наш лозунг: "Митьки никого не хотят победить и этим завоюют весь мир". Вот наш секрет популярности.

– Только популярность эта немножечко однобокая. Ведь широкая публика мало знакома с живописью Дмитрия Шагина. Зато все знают Митю в тельняшке – персонажа симпатичного национального мифа.

– Лично я не ощущаю себя персонажем. Как художника меня знает довольно много людей. В Русском музее даже выставка проходила под лозунгом "От Ильи Репина до Дмитрия Шагина". Так что мифом дело не ограничивается. Но есть у митьков и персонажи как таковые. Типичный пример – матрос Андрей Конев. Познакомились мы с ним по дороге на фестиваль современного искусства в славном городе Нарва. Там у каждого направления был свой искусствовед, узкий специалист. А мы нашли на вокзале пьяного моряка. Моряк, поскольку у него было много денег (поначалу), покупал водку ящиками и угощал митьков. Так продолжалось несколько дней, и вот пришла наша очередь. Ведущий объявляет: "Слово предоставляется митьковскому искусствоведу Коневу". Встал Конь, откашлял-

ся, рожа красная, небритая, тельник рваный: "А чего говорить? Наливай да пей". Ослепительный человек!

— Если верить Шинкарёву, да и твоим рассказам, большинство митковских историй происходило в подпитии. Интересно, что трезвые митки думают о пьяных митках?

— Это тема не очень весёлая. Я для себя определяю восьмидесятые как период героического пьянства, пьянства, не совместимого с жизнью. Шла необъявленная война "жизни с чёрт знает чем", как поётся у Гребенщикова. В этой войне многие мои друзья умерли, а перед теми, кто выжил, встал вопрос: жить или пить? Разговоры же о том, что трезвость плохо влияет на творчество, — праздные. Мы выбрали жизнь, а заодно и возможность творчества. И начались девяностые — период героической трезвости.

— В чём же здесь героизм?

— В том, чтобы жить без допинга, радоваться жизни без водки. Но мало самому оставаться трезвым, надо ещё и братков вытягивать. Поэтому в ставке митков мы устроили центр помощи алкоголикам по программе "12 шагов". Каждый день там проходят занятия.

— Переход к трезвости — огромная перемена. Но ею жизнь, конечно, не ограничивается. Что ещё происходило с митками в эти десятилетия?

— Шинкарёв совершенствовался в живописи и написал несколько новых книжек. Флоренский и Полисский ушли в концептуализм, ультрасовременное направление. Виктор Иванович Тихомиров кучу фильмов снял, стал прославленным режиссёром.

— Ну а ты?

— А я с братками выпустил восемь музыкальных альбомов, где мы поём матросские и просто народные песни. Писал стихи и картины, снимался в кино. Чуть не стал депутатом...

— Как это тебя угораздило?

— Дело в том, что поэт Виктор Кривулин и Галина Старовойтова выдвинули несколько человек из творческой интеллигенции в Ленинградскую думу. Обратились ко мне, и я, естественно, согласился. Но в день, когда стартовали выборы, Галину Васильевну расстреляли из автомата. Так и закончилась моя политическая карьера. Наверное, это к лучшему. Ведь заниматься надо тем, что умеешь, а политика — не моё. Я очень удивляюсь, когда журналисты спрашивают меня, как обустроить Россию. Спросили бы лучше, как написать закат солнца или городской пейзаж. Но они считают художника экспертом по всем вопросам.

— И что ты им отвечаешь?

— Мой совет такой: прежде всего, перестать воровать. Всем. Весь народ прекращает воровать для начала на двадцать процентов. Потом на двадцать один. То есть ворует, но меньше. Совсем не воровать — это была бы утопия.

— А ещё какие советы?

— Быть хорошим, браткам помогать, не обижать никого. Не завидовать и не впадать в отчаяние, что нет денег и приезжаешь в Москву не в СВ, а в общем вагоне. Но приезжаешь же, а многим и общий вагон недоступен.

— Многим недоступны даже самые элементарные вещи. А ты, я смотрю, оптимист. Значит, не воровать, быть добрым — и всё изменится к лучшему?

— Я в этом не сомневаюсь. Просто надо меньше смотреть телевизор. Ведь если всё так плохо, как показывают в новостях, то лучше и не жить вовсе. А жить хочется. Жить и радоваться, что живёшь.

В оформлении материала использованы работы Дмитрия Шагина и фотографии из его архива.

На обложке:

Д. Шагин. "Митёк с балалайкой".

НА ЛИЦЕ МИТЬКА ЧЕРЕДУЮТСЯ ДВА аффективно поданных выражения: граничащая с идиотизмом ласковость и сентиментальное уныние. Все его движения и интонации хоть и очень ласковы, но энергичны, поэтому митёк всегда кажется навеселе.

Теоретически митёк — высокоморальная личность, мировоззрение его тяготеет к формуле: "православие, самодержавие, народность", однако на практике он настолько легкомыслен, что может показаться лишённым многих моральных устоев. Однако митёк никогда не прибегает к насилию, не причиняет людям сознательного зла и абсолютно не агрессивен.

ЖИЗНЬ МИТЬКА

Из книги Владимира Шинкарёва "Митки". 1984 г.

Митёк никогда не выразит в глаза обидчику негодования или неудовольствия по поводу причинённого ему зла. Скорее он ласково, но горестно скажет: "Как же ты, братушка?", однако за глаза он по поводу каждого высказанного ему упрека будет чуть ли не со слезами говорить, что его съели с говном. <...>

Как и всякий правофланговый массового молодёжного движения, Дмитрий Шагин терпит конфликт с обществом. Вообще, любой митёк, как ни странно, редко бывает доволен обстоятельствами своей жизни. Про любой положительный факт в жизни других людей он ласково, но с большой горечью говорит: "Одним судьба — карамелька, а другим судьба — одни муки...", естественно, разумея мучеником себя. <...>

Какой же выдержкой должна обладать жена митка, чтобы не пить и не попрекать последнего в нежелании делать что-либо, точнее, самое неприятное заключается в том, что митёк с готовностью берётся за любые поручения, но обязательно саботирует их. На все упреки в свой адрес митёк ангельски

улыбается, слабо шепчет жене: "Сестрёнка! Сестрёнка ты моя!.. Дык! Ёлки-палки! Дык!" В ответ на самые сильные обвинения он резонно возражает: "Где же ты найдёшь такое золото, как я, да ещё чтобы что-нибудь делал?"

Иной раз митёк берёт на себя явно авантюрные обязательства, например, самому произвести ремонт комнаты. В этом случае он зовёт себе на помощь нескольких других митков, и они устраивают в комнате, предназначенной для ремонта, запой — дабы оттянуться от судьбы, полной одних мук. Если настоячивые усилия многих людей действительно вынудят митка приступить к ремонту, комната в скором времени приобретает вид мрачного застенка; последующие усилия митка оказывают на комнату воздействие, аналогичное взрыву снаряда крупного калибра. <...>

Движение митков развивает и углубляет тип "симпатичного шалопа", а это, может быть, самый наш обаятельный национальный тип — кроме разве святого.

